

Рабочий день закончился, редакция опустела, лишь в соседнем кабинете, вечно не успевающая в срок Таня, строчила статью. Я уже думала о доме и недочитанной книге, а может быть, о свидании или куске пирога в кафе. Собиралась выйти из затихшего офиса, но меня остановила женщина. Обычная женщина, с простоватым лицом. Она не поздоровалась, сразу прошла, села на стул и сказала:

— Я вас знаю, вы статьи пишете и стихи. Я поговорить хотела.

— Уже ухожу. Может, завтра заглянете? — предложила я.

— Нет, лучше сейчас, пока есть настрой. Я ведь не для газеты, мне надо лично с вами, — пояснила она.

Настроя задерживаться на работе не было, но женщина не оставляла выбора. Признаюсь, я была чуточку польщена, что ко мне, рядовой двадцатипятилетней журналистке местной газеты, пришли «по личному делу», что меня «знают». Обычно я ко всем ходила сама, объясняла, кто я и откуда, предлагала поговорить. А теперь оказалась нужна этой женщине, положившей

свои тяжелые руки, сложенные в замок, на стол. Надо остаться и выслушать.

Она представилась — Антонина Ивановна или просто Тоня. Живет в деревне, работает уборщицей в клубе. Имеются муж, дети, внук, держит корову и гусей.

— И что же у вас не так?

— Есть одна проблема...

— Какая?

— Меня муж бьет.

Внешне женщина была крепкого телосложения, казалось, такая себя в обиду не даст. «Зачем она ко мне пришла? Надо в полицию», — подумала я.

— А за что бьет?

— За стихи.

— Как это?

— Стихи я пишу.

Женщина тяжело посмотрела на меня и отвела глаза, словно призналась в чем-то постыдном. Стало как-то неудобно, я ведь тоже их пишу, стихи, но меня за это с детства только хвалят, даже за плохие. Мы помолчали. В повисшей тишине я слышала, как за тонкой перегородкой Таня ломает шоколадку, а потом снова монотонно стучит по клавиатуре. Антонина страдала. Это чувствовалось во всей ее напряженной позе, ее молчании. Вот почему она пришла! Проблема не в муже, а в стихах. Мужья многих бьют, это дела семейные, а тут поэзия. Наверное, думает, что написание стихов для зрелой женщины с обязанностями — это глупо и противоестественно. Она нашла меня в надежде найти объяснение своему «изъяну», возможно, услышать какие-то правильные слова, ответы и уйти домой оправданной. Не слишком ли многого она ждет? Я же не врач, я сама «страдаю» стихами.

Она вдруг спросила:

— А муж у вас есть?

— Нет. Но если бы был, я не позволила бы меня бить.

В то время я еще жила по законам поэзии и верила, что почти все события жизни можно заключить в рифму, подчинить гармонии, а если нет, то все перечеркнуть и начать с новой строки.

Это потом у меня появился муж, который хоть и не бил за стихи, но не принимал их, тогда стихи кончились. Я перестала писать. Были моменты, когда я изнывала от творческой немоты, словно от зубной боли. В такие минуты хотелось быть как Тоня, которая, в отличие от меня, боролась за свою причастность к поэзии. Она писала несмотря ни на что. Да, боялась быть разоблаченной, осмеянной, униженной, но все равно писала. Поэзия была для нее грехом и одновременно очищением, ее маленькой слабостью и великой силой.

Мы внимательно смотрели друг на друга. Я — теперь уже с интересом и симпатией, она — с грустью. Кажется, узнав, что я не замужем, Тоня еще больше поникла.

— Наверное, вам не понять, не надо было мне приходиться.

— Ну, что вы! Хорошо, что пришли. От стихов я не спасу, конечно, но попробуем просто поговорить, это тоже помогает, — подбодрила я. — Вот скажите, давно это у вас?

— Что?

— Ну, стихи.

— Я и не думала этого делать, клянусь! Они как-то сами привязались, — неожиданно громко выпалила Антонина. — В прошлом году в газете наткнулась на стихи, когда к сестре в Поспелиху автобусом ехала. Не помню чьи, но такие... В них красота была, музыка, понимаете? За душу взяло. И потом в голове стали кружиться мысли-слова, словно музыка какая. Решила я записать, села ночью, да только под утро остановилась. Слова все шли и шли, откуда они брались? Не знаю.

— А муж что?

— Муж-то? Ой, Миша у меня хороший, добрый, работающий, пьет редко, детей любит, — губы у Тони дрогнули и скривились. Она достала из кармана носовой платок и все мяла его в руках. — Ему надо, чтобы все по уму было, чтобы баба своими делами занималась — хозяйством, домом, а тут стихи эти...

Муж не простил Антонине стихов ни в первый, ни в последующие разы. Сначала он пригрозил, чтобы прекратила «заниматься ерундой». Потом как-то заглянул в ее поэтическую тетрадь, где было что-то про любовь, небо, мокрую траву. Миша насторожился. Какая любовь? С кем? Зачем? Тетрадку он забрал и сжег в бан-

ной печке. Тоня смолчала. С тех пор стала писать тайно, а рукописи прятать от мужа. Но тот находил, злился, рвал и жег стихи. Бил Тоню. Ее увлечение раздражало. Мише казалось, что жена сходит с ума. Порой он ловил ее отстраненное выражение лица, которое выводило его из себя, бесило.

— Опять свои стишочки сочиняешь? — заводился он, и Тоня видела, как напрягаются его скулы, а руки сжимаются в кулаки.

Она плакала, обещала бросить. Миша прощал, но стихи не отпускали Антонину, и все начиналось снова.

Тоня с ужасом думала о той ситуации, в которую попала. Муж и стихи оказались на одной чаше весов. Муж нужен для жизни, стихи для души. И муж, и стихи требуют жертв и преданности. Два предназначения борются между собой. В какой-то момент она поняла, что стихи оставить не может, что это сильнее ее. Решила просто ждать, когда само пройдет. Если пройдет.

Антонина бросила на стол истерзанный носовой платок и шепотом произнесла:

— Так и живу.

Мне хотелось ей помочь, но я не знала как. Тоня пришла ко мне слишком рано. Если бы она пришла сейчас, наверное, я нашла бы для нее нужные слова. Возможно, я пошла бы к этому Мише, посмотрела в его жестокие глаза... Тоня, мы бы что-нибудь придумали!

— Не бросайте писать. Может, муж когда-нибудь вас поймет, — сказала я ей тогда. И это все.

Она поблагодарила и, уже на выходе, улыбнулась мне:

— Вы тоже не бросайте, вы талантливая!

Антонина обещала принести в редакцию свои стихи. Мы договорились, что опубликуем их в газете под псевдонимом, чтобы муж или кто-то из знакомых не узнал автора. Я ждала Тоню, но она так и не пришла. Больше мы не виделись.

Не так давно я наткнулась в одном сборнике женской поэзии Алтая на очень самобытные стихи некой Анны Затониной. Одно из них напомнило об Антонине. Видимо, ее поэзия все-таки нашла меня.

МИШЕ

Вот на завтрак — каша,
Вот к обеду — щи,
Что грущу немного,
Миша, не взыщи.
Я пойду, прилягу,
Снова голова...
В ней рождаются, Миша,
Рифмы и слова.
Хороводом ходят,
Строчкой стиховой,
О любви, о жизни,
Да о нас с тобой.
Дай ты мне покоя,
Миг без маяты,
Подождут заботы,
Подождешь и ты.
У моих стишочков
Есть характер свой,
Их не остановишь,
Словно кран с водой.
Чистые, как дети, —
За строкой строка.
Мишенька, не трогай
Святости стиха.